Л. Стѣдовъ.

6

ИЗЪ ЖИЗНИ

АМЕРИКАНСКОЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовск. ул., соб. домъ.
1902.

Оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

Изъ жизни американской учащейся молодежи.

Какъ много необычнаго и въ то же время неожиданнаго представляетъ, на взглядъ русскаго наблюдателя, жизнь американской учащейся молодежи. Громадное развитіе различнаго рода обществъ, мыслимое только при американскомъ строѣ жизни; причудливыя подчасъ формы проявленія общественной жизни среди молодежи; цѣли и задачи у нѣкоторыхъ изъ студенческихъ обществъ, какія русская молодежь сочла бы ребяческими, и въ то же время формы самоуправленія, достойныя взрослыхъ людей, у учащихся въ средней школѣ—все это невольно заинтересовываетъ наблюдателя. Не меньше любопытнаго представляетъ и эволюція различныхъ товариществъ среди американской учащейся молодежи, являющаяся отраженіемъ эволюціи всей американской жизни. Общества среди колонистовъ, желавшихъ сохранить въ возможной неприкосновенности порядки метрополіи, и общества свободныхъ гражданъ новой республики; общества среди грубоватаго земледѣльческаго населенія, съ патріархальнымъ строемъ жизни, и общества въ современной Америкѣ, съ ея крупною промышленностью и торговлей, съ ея огромными богатствами и контрастами бѣдности и богатства, должны, конечно, отличаться разнымъ характеромъ.

Особенно интересна жизнь учащихся въ высшихъ американскихъ учебныхъ заведеніяхъ. На ней мы и остано-

вимъ главнымъ образомъ вниманіе читателя, пользуясь матеріаломъ, заключающимся въ недавно вышедшей книгѣ проф. *Генри Шельдона* [1]). Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ и объ учащихся въ средней школѣ.

До войны за независимость, когда нынѣшніе Соединенные Штаты представляли собою англійскія колоніи, въ нихъ было всего 9 высшихъ учебныхъ заведеній. Старѣйшими изъ нихъ были колледжи: Іэлъ, недавно отпраздновавшій двухсотлѣтній юбилей своего существованія, Гарвардъ и Вилльямъ и Мэри. Поддерживаемыя бѣднымъ населеніемъ, тратившимъ всѣ свои силы на борьбу съ индійцами и на піонерскую работу среди дѣвственной природы, школы эти имѣли очень сомнительное право на наименованіе высшихъ. Это были скорѣе семинаріи для подготовленія священнослужителей. Ректоръ и профессоръ выбирались главнымъ образомъ изъ среды духовенства. Литературныя упражненія въ первое время состояли въ краткомъ воспроизведеніи проповѣди, произнесенной въ церкви въ предыдущее воскресенье. Уставъ студенческихъ общежитій—а въ XVIII вѣкѣ студенты обязаны были жить въ общежитіи при колледжѣ—былъ почти монастырскій. Большинство развлеченій было запрещено. Въ Нью-Гэвень студентамъ нельзя было ни охотиться, ни плавать на парусахъ безъ особаго на то разрѣшенія. Подъ страхомъ суровыхъ наказаній воспрещались театръ, бильярдъ, карты и кости. Студентъ не смѣлъ лечь днемъ на постель. Онъ могъ тратить собственныя деньги не иначе, какъ съ разрѣшенія начальства. Ему строго воспрещалось выходить изъ колледжа, исключая опредѣленныхъ часовъ. Студенты обязаны были оказывать знаки почтенія не только начальству, но и старшимъ по курсу товарищамъ.

Несмотря на всю суровость дисциплины и широкую

---

[1]) Student Life and Customs. By Henry D. Sheldon, Ph. D., Prof. in the university of Oregon. New York. 1901. 366 p.

практику шпіонства, нерѣдки бывали нарушенія устава, выражавшіяся главнымъ образомъ въ рискованныхъ продѣлкахъ и гомерическихъ выпивкахъ—картина, напоминающая нашу бурсу добраго стараго времени.

Единственными студенческими обществами въ первое время, при томъ обществами довольно несовершеннаго типа, были курсовыя организаціи. Свѣдѣнія о нихъ для ранняго періода — до войны за независимость, довольно скудны, и потому мы остановимся на нихъ дальше, въ связи съ курсовыми организаціями позднѣйшаго времени. Во второй половинѣ XVIII вѣка среди студентовъ, сверхъ курсовыхъ организацій, появляются различныя *общества для дебатовъ*. Наклонность къ публичному дебатированію различныхъ вопросовъ уже тогда была развита у американцевъ еще больше, чѣмъ среди англичанъ. И высокое развитіе индивидуальной иниціативы, подъ вліяніемъ трудныхъ условій пограничной и піонерской жизни, и необходимость отстаивать правоту своихъ религіозныхъ убѣжденій, при крайнемъ разнообразіи различныхъ сектъ въ Америкѣ, а особенно оживленіе политической жизни, съ ея дебатами въ собраніяхъ, выборной горячкой и т. п.,—все это развивало потребность въ публичномъ обсужденіи различныхъ вопросовъ и умѣніе удовлетворить этой потребности. Все это рано заставило цѣнить ораторское искусство, на которое заявлялись постоянныя требованія общественною жизнью. Ораторское искусство уже въ срединѣ XVIII вѣка было обычнымъ предметомъ преподаванія въ колледжахъ. Во время актовыхъ торжествъ студентами, по назначенію факультета, произносились рѣчи на разнообразныя темы. На ряду со схоластической темой: «Materia cogitare non potest» (Вещество не можетъ мыслить), встрѣчаются и злободневныя, въ родѣ: «Цѣлесообразность стремленій американцевъ къ образованію независимаго государства».

При такомъ поощреніи ораторскаго искусства и жизнью, и школой, вполнѣ понятно возникновеніе въ студенческой

средѣ цѣлаго ряда обществъ для дебатовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ просуществовали недолго и лишь два дожили до нашихъ дней.

Кромѣ произнесенія рѣчей, члены обществъ для дебатовъ занимались и литературною дѣятельностью. Темы для литературныхъ произведеній выбирались изъ всѣхъ областей знанія и жизни. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: извлечь квадратный корень изъ $^{16}/_{99}$. Почему всего холоднѣе, когда солнце всего ближе къ намъ? Можетъ ли конечная природа совершить безконечный грѣхъ? Всегда ли думаетъ душа? Былъ ли потопъ всемірнымъ? Слѣдуетъ ли уничтожить торговлю рабами? Оправдывается ли здравой политикой налогъ на мелкій скотъ?

Устраивались членами общества и спектакли, главнымъ образомъ, легкаго содержанія, въ родѣ нынѣшнихъ фарсовъ.

Гораздо больше свѣдѣній о студенческихъ организаціяхъ мы имѣемъ для болѣе поздняго времени, именно для періода послѣ войны за независимость. При этомъ въ то бурное время, когда американцамъ приходилось бороться за свою самостоятельность и потомъ работать надъ упроченіемъ новыхъ формъ жизни, т.-е. въ 1775—1840 г., а затѣмъ и позже до 1870 г., важнѣйшею формой студенческой организаніи была организація курсовая. Несомнѣнно, что многія изъ тѣхъ чертъ, которыя мы находимъ въ ней въ это время, были присущи ей и въ предыдущій періодъ.

Необычайно суровая дисциплина, которою характеризовался университетскій строй прежняго времени, привела къ враждебнымъ отношеніямъ студентовъ къ членамъ факультета. На обязанности профессоровъ и туторовъ лежало не только преподаваніе, но также выслѣживаніе нарушителей дисциплины и наложеніе на нихъ кары. Въ свою очередь студенты считали допустимыми всѣ средства, чтобы провести этихъ надзирателей.

Естественнымъ результатомъ этого хроническаго воинственнаго положенія студентовъ и совмѣстной жизни ихъ въ пансіонѣ было развитіе среди однокурсниковъ очень сильнаго товарищескаго чувства, *esprit du corps*, какъ говорятъ французы.

Внѣшняя организація курса никогда не отличалась особою выработанностью, но внутренняя связь была зато очень сильной, и уваженіе къ цѣлому было очень велико. Можетъ быть, именно для того, чтобы заставить каждаго новаго человѣка надлежащимъ образомъ цѣнить то цѣлое, какое представлялъ изъ себя курсъ, вступленіе въ него давалось не даромъ, а покупалось подчасъ весьма ощутительною цѣной. Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ пребыванія въ колледжѣ новичокъ становился жертвой иногда невинныхъ, а иногда довольно мучительныхъ шутокъ. Надъ нимъ издѣвались, когда онъ проходилъ по корридорамъ. Въ его комнату имѣли право врываться во всякое время, перерывать и разбрасывать его вещи, брать изъ нихъ, что было угодно студенту старшаго курса. Но все это было лишь прелюдіей къ мучительной шуткѣ, извѣстной подъ названіемъ «обкуриванія». Толпа второкурсниковъ врывалась въ комнату новичка, запирала всѣ окна, законопачивала всѣ щели и затѣмъ заполняла комнату волнами табачнаго дыма. Когда атмосфера становилась невозможной, новичка заставляли произносить наизусть отрывки изъ Эвклида или изъ греческой грамматики, говорить рѣчи, пѣть пѣсни, танцовать, произносить азбуку въ обратномъ порядкѣ или продѣлывать какую-либо другую безсмыслицу, по назначенію мучителей. Если подвергавшійся испытанію отказывался исполнять все это, ему набрасывали на голову шерстяное одѣяло и пускали подъ одѣяло табачный дымъ до тѣхъ поръ, пока съ новичкомъ не дѣлалось дурно.

Начальство колледжей пыталось уничтожить обычай преслѣдованія новичковъ, но очень долго всѣ его попытки разбивались о сопротивленіе студентовъ. Они считали

эти преслѣдованія единственнымъ средствомъ для поддержанія дисциплины и субординаціи среди новичковъ. Какъ аргументъ, выставлялось то соображеніе, что новичковъ всегда преслѣдовали и потому обычая этого нельзя уничтожить.

Были въ ходу не только нападенія на отдѣльныхъ лицъ, но и схватки между цѣлыми курсами. Обыкновенно второй курсъ посылалъ вызовъ первому, Вначалѣ состязанія состояли въ рукопашной борьбѣ, позже — въ игрѣ въ ножной мячъ.

Соперничество между курсами и тѣ продѣлки, которыя сообща продѣлывались второкурсниками надъ новичками, вносили много разнообразія въ студенческую пансіонскую жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ они поддерживали и духъ товарищества, такъ какъ приходилось всѣмъ сообща участвовать въ продѣлкахъ, иногда очень рискованныхъ. А воспоминанія объ опасностяхъ и волненіяхъ, пережитыхъ совмѣстно, дѣлали товарищескія связи настолько устойчивыми, что онѣ сохранялись долго спустя послѣ окончанія колледжа.

Далеко не весь избытокъ агрессивной энергіи студенчества поглощался столкновеніями въ своей собственной средѣ. Довольно часто были въ то время и университетскія волненія, навлекавшія на виновныхъ суровыя кары.

Ислкюченія студентовъ, ссылка ихъ въ деревню къ родителямъ были обычными явленіями въ то время. При нѣкоторыхъ волненіяхъ изгонялось до половины и даже большій процентъ студентовъ. Въ Элебемскомъ университетѣ однажды исключили весь старшій курсъ, а разъ даже всѣхъ студентовъ.

Хотя въ волненіяхъ участвовало иногда все студенчество, но рѣшенія постановлялись каждымъ курсомъ отдѣльно на собственныхъ собраніяхъ. Часто волненія ограничивались однимъ или двумя курсами. Но были ли эти волненія общими или частными, они проводились обыкновенно съ большою настойчивостью. Начальство, считая

источникомъ всякихъ волненій курсовую организацію, относилось къ ней очень враждебно. Правила Гарвардскаго университета запрещали какія бы то ни было сходки, за исключеніемъ тѣхъ, приглашеніе на которыя было подписано тремя студентами и скрѣплено президентомъ. Эти три стундета считались отвѣтственными за всякое нарушеніе статутовъ колледжа во время сходки. Въ Іэлѣ была воспрещена какая бы то ни было форма курсовыхъ организацій. То же во многихъ другихъ американскихъ колледжахъ.

Общая жизнь курса проявлялась также и въ различныхъ обычаяхъ и обрядностяхъ, подчасъ смѣшныхъ, но въ то же время придававшихъ студенческой жизни извѣстную прелесть и оригинальность. Многіе изъ этихъ обычаевъ касались отношеній между курсами. Такъ, студенческіе обычаи запрещали новичкамъ носить трости и бобровыя шапки. Только студентамъ старшихъ курсовъ разрѣшалось товарищескимъ уставомъ играть въ кости и другія азартныя игры.

Существовалъ курьезный обычай отмѣчать личныя особенности товарищей по курсу, а также тѣ или другіе случаи въ ихъ жизни. Въ Гарвардѣ самый лѣнивый студентъ получалъ отъ своихъ товарищей кожаную медаль, а самый безобразный—ножикъ. Лучшій математикъ получалъ шиферную доску, которую онъ, по окончаніи колледжа, передавалъ лучшему математику предыдущаго курса и т. п.

Свойственное молодежи сатирическое умонастроеніе находило себѣ исходъ въ юмористическихъ листкахъ и карикатурахъ, въ шуточныхъ празднествахъ, устраивавшихся первокурсниками въ недѣлю выпускного акта, въ учрежденіи различныхъ шуточныхъ обществъ, въ родѣ Мореходнаго клуба въ Гарвардѣ.

Во время шуточныхъ празднествъ первокурсниками произносились пародіи на тѣ рѣчи, которыя говорились обыкновенно на актовыхъ торжествахъ. Во время одного

изъ такихъ празднествъ, напримѣръ, три студента—самый высокій, самый широкій въ плечахъ и самый толстый—произнесли рѣчи о длинѣ, ширинѣ и толщинѣ. Раздавались и награды, только не за успѣхи, а за малоуспѣшность.

Большими шуточными торжествами сопровождался обрядъ сожженія учебниковъ въ концѣ семестра. Торжество открывалось рѣчами, чтеніемъ поэмъ и т. д. Въ гробу предъ алтаремъ помѣщался Эвклидъ, трактаты о коническихъ сѣченіяхъ, латинская грамматика или какой-либо другой учебникъ, листы котораго перекладывались горючимъ матеріаломъ и обливались терпентиномъ. Гробъ подымали на плечи, носили его въ сопровожденіи цѣлой процессіи, а затѣмъ содержимое его подвергали сожженію.

Кромѣ шуточныхъ, были и серьезныя торжества, главнымъ образомъ по поводу выпускного акта. За офиціальнымъ, довольно стереотипнымъ торжествомъ, съ актовыми рѣчами и раздачей степеней и наградъ, слѣдовали празднества, устраивавшіяся самими студентами. Садили сообща дерево курса, пѣли серенаду факультету, а также устраивали прощальный обѣдъ, на которомъ обмѣнивались клятвами вѣчной дружбы и долго вели интимнѣйшіе разговоры предъ разлукой.

На общемъ фундаментѣ курса создавались отдѣльныя общества, состоявшія изъ болѣе близкихъ между собой лицъ. Только принимая во вниманіе разницу нравовъ тогдашняго и нынѣшняго времени, можно объяснить себѣ возможность существованія нѣкоторыхъ изъ этихъ обществъ. Были между ними и совершенно невинныя, въ родѣ обществъ самоусовершенствованія или общества «Philophogonia», члены котораго обязывались не бриться во все время пребыванія въ колледжѣ. Но еще больше было обществъ для буйныхъ продѣлокъ. Такъ, «бѣсноватые» въ одномъ изъ виргинскихъ колледжей занимались кражей куриць и индѣекъ, а затѣмъ поѣданіемъ блюдъ, изготовленныхъ изъ добычи. Похищали также на время лошадей для ночныхъ прогулокъ. Рядъ обществъ такого

же направленія былъ и въ другихъ штатахъ. Были общества, устраивавшія въ тайныхъ помѣщеніяхъ пиры, сопровождавшіеся обильными возліяніями. Были также особыя банды для устраиванія кошачьихъ концертовъ наиболѣе нелюбимымъ членамъ факультета.

Жизнь курса не прекращалась и послѣ окончанія студентами колледжа. Главною связью служили годичные обѣды, особенно обѣды для празднованія трехлѣтій и десятилѣтій. Наиболѣе же трогательны были обѣды, на которые собиралась небольшая кучка согбенныхъ годами стариковъ, чтобы отпраздновать пятидесятилѣтній юбилей разставанія со своею Alma Mater. На обѣдахъ секретарь курса читалъ отчеты о дѣятельности членовъ курса, а время отъ времени выпускались томики съ отчетомъ о послѣднемъ собраніи, съ пропѣтыми на немъ пѣснями и произнесенными рѣчами, съ біографическими свѣдѣніями о членахъ, о ихъ дѣятельности, ихъ семейномъ положеніи. Старѣйшіе колледжи насчитываютъ уже сотни томовъ такихъ отчетовъ.

«При оцѣнкѣ курсовой организаціи съ педагогической точки зрѣнія,—говоритъ Шельдонъ,—мы только въ томъ случаѣ отдадимъ ей должное, если надлежащимъ образомъ оцѣнимъ прочность связи, соединявшей членовъ курса другъ съ другомъ. Когда молодые люди принуждены бокъ о бокъ протаптывать одну и ту же дорожку, преодолѣвать однѣ и тѣ же трудности, играть въ однѣ и тѣ же игры въ одни и тѣ же часы, между ними неизбѣжно образуется близость, едва ли возможная при другихъ обстоятельствахъ. Рѣдко бываютъ условія, настолько же благопріятныя для созданія *esprit du corps*. Похвалы, выпадающія на долю руководящихъ членовъ курса, принимаются съ особымъ удовольствіемъ каждымъ изъ его членовъ, какъ общее достояніе курса. Послѣ присужденія степеней, слава, вѣнчающая выдающихся людей курса, придаетъ извѣстный престижъ всему курсу. Люди съ гордостью заявляютъ о себѣ, что они—курса 1837 г. въ Іэлѣ или

курса 1877 г. въ Гарвардѣ. Каждый курсъ имѣетъ свою индивидуальность и мыслится своими членами, какъ единственный курсъ въ колледжѣ. Это чувство коллективной гордости уже само по себѣ нѣчто очень хорошее.

Но курсовое *esprit du corps* оказываетъ и другую услугу. Оно представляетъ энергичное цѣлое, способствующее созданію общественнаго мнѣнія колледжа. По словамъ Портера, президента въ Іэлѣ, курсовая система является существенно необходимой для нормальной жизни колледжа. «Я не представляю себѣ,—говоритъ онъ,—какъ американскій колледжъ можетъ жить дѣйствительною совмѣстною жизнью безъ опредѣленной курсовой организаціи. Въ американскомъ колледжѣ курсъ представляетъ собой волшебный кругъ, внутри котораго завязываются узы тѣснѣйшей дружбы, и люди входятъ въ самую тѣсную и дорогую для ея членовъ ассоціацію. Чувства курса являются факторомъ, оказывающимъ наибольшее вліяніе на его членовъ, и являются часто единственной атмосферой ихъ соціальной жизни». Общее мнѣніе, что сильное курсовое чувство создаетъ также сильное обще-коллегіальное чувство и вырабатываетъ привычку къ лойяльности, навсегда сохраняющуюся у человѣка.

Вынужденная близость въ теченіе четырехлѣтняго совмѣстнаго пребыванія въ курсовой ассоціаціи кладетъ неизгладимую печать на практическія сужденія человѣка. Въ старое время почти три пятыхъ того, о чемъ говорили студенты, относилось къ ихъ собственной жизни. Вниманіе, какое каждый отдавалъ другъ другу, время, посвящаемое взаимной оцѣнкѣ соціальныхъ, моральныхъ и интеллектуальныхъ качествъ, всѣхъ частностей поведенія каждаго—были громадны. Нельзя, конечно, утверждать, чтобы всѣ знали другъ друга, но средства для совмѣстнаго сближенія были очень дѣйствительны, и уже къ концу перваго курса каждый новичокъ могъ сойтись съ тѣми людьми, знакомство съ которыми онъ считалъ для себя желательнымъ.

Условія вполнѣ благопріятствовали завязыванію теплыхъ дружескихъ отношеній. Когда колледжи стали больше, а интересы студентовъ разнообразнѣе, то вмѣстѣ съ тѣмъ стали менѣе благопріятны условія для созданія тѣхъ интимныхъ личныхъ связей, возникновенію которыхъ мало способствуетъ болѣе зрѣлая жизнь.

Четыре года жизни въ колледжѣ имѣли въ прежнее время поразительное и необычайно счастливое вліяніе на самихъ студентовъ. Къ концу четырехъ лѣтъ, благодаря общенію другъ съ другомъ, они значительно измѣнялись и съ внѣшней, и съ внутренней стороны, и измѣнялись къ лучшему. Грубый становился болѣе мягкимъ, изнѣженный—болѣе мужественнымъ, боязливый—болѣе находчивымъ и смѣлымъ, надменный—болѣе скромнымъ. И воздѣйствіе было тѣмъ больше и тѣмъ благопріятнѣе, чѣмъ больше былъ курсъ и чѣмъ разнообразнѣе были мѣстности, откуда собрались студенты».

Курсовыя организаціи оставались главною соціальною связью американскаго студенчества до 1870 г., когда значеніе ихъ начинаетъ падать. Съ 1870 г. начинается движеніе въ пользу замѣны отдѣльныхъ факультетовъ, какими были старые колледжи,—университетами. Число студентовъ университета умножается настолько, что для студента является невозможнымъ не только сблизиться со своими однокурсниками, но даже познакомиться со всѣми. Много повредила курсовой организаціи и избирательная система. Избирая различные предметы для изученія, два студента, одновременно поступившіе на одинъ и тотъ же курсъ, въ Гарвардѣ, напримѣръ, могутъ не встрѣтиться въ теченіе всего пребыванія въ университетѣ. Даже кончить они могутъ въ разные сроки, такъ какъ окончательные экзамены можно теперь держать и черезъ три, и черезъ четыре года. Такимъ образомъ въ университетскихъ спискахъ эти два студента могутъ быть отнесены къ разнымъ выпускамъ.

Курсовая организація однако не исчезла вполнѣ. Каж-

дый курсъ имѣетъ выборныхъ изъ среды товарищей: президента, вице-президента, секретаря, казначея и другихъ должностныхъ лицъ. Прежнихъ преслѣдованій новичковъ, буйныхъ продѣлокъ, конечно, уже нѣтъ. Но есть общія празднества. Курсы устраиваютъ совмѣстныя прогулки (младшій курсъ), даютъ балы (старшій). Въ общемъ вліяніе курса ослабѣло, и въ большихъ университетахъ ослабѣло въ большей степени, чѣмъ въ малыхъ колледжахъ. Вмѣсто прочной и всесильной организаціи, чѣмъ былъ курсъ въ прежнее время, теперь курсъ является просто *одной* изъ организацій въ общемъ строѣ жизни колледжа. Но «чувство цѣлаго», *esprit du corps*, на курсѣ, какъ говорятъ многія свидѣтельства, все-таки остается очень сильнымъ.

Наряду съ курсовыми организаціями, раньше другихъ студенческихъ обществъ выдвинулись впередъ, какъ нѣчто самостоятельное, *общества для дебатовъ*, о первыхъ шагахъ которыхъ мы говорили уже выше,

Послѣ войны за независимость общества для дебатовъ пріобрѣли еще большее значеніе, чѣмъ до нея, что, несомнѣнно, произошло, благодаря высокому подъему политическихъ чувствъ, въ связи съ этой войной. Рѣдки были періоды въ исторіи, когда бы политическіе интересы играли такую исключительную роль и приковывали къ себѣ всеобщее вниманіе такъ сильно, какъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка въ Америкѣ. Въ связи съ этимъ и юношество начинаетъ особенно сильно заниматься обсужденіемъ въ своей средѣ политическихъ вопросовъ, и къ старымъ обществамъ для дебатовъ прибавляются все новыя и новыя.

Въ большинствѣ колледжей образуется по два соперничающихъ общества для дебатовъ, куда входитъ значительнѣйшая доля студентовъ. Годы 1790—1840 являются годами наибольшаго процвѣтанія обществъ для дебатовъ,

бывшихъ тогда, вмѣстѣ съ курсовыми организаціями, главнѣйшимъ соціальнымъ факторомъ въ жизни студенчества. Тамъ, гдѣ было два соперничающихъ общества, отношенія между ними становились особенно враждебными въ началѣ учебнаго года, когда происходила вербовка новыхъ членовъ. Вербовщики отправлялись въ подготовительныя школы, чтобы уже тамъ захватить наиболѣе выдающихся изъ вновь поступающихъ въ колледжъ, разыскивали новыхъ студентовъ на поѣздахъ, въ гостинницахъ. Въ началѣ же года устраивались публичные митинги, на которыхъ каждая изъ партій старалась выставить въ наилучшемъ свѣтѣ положительныя стороны собственной организаціи и возможно больше опорочить противниковъ.

Программа регулярныхъ занятій клуба сводилась къ произнесенію рѣчей, къ дебатамъ, декламаціи, чтенію критическихъ статей на литературныя и научныя темы. Рѣчи часто говорились экспромптомъ, но особенно цѣнились хорошо продуманныя и подготовительныя рѣчи. Онѣ представлялись иногда на просмотръ особаго комитета, не допускавшаго къ публичному произнесенію слабыхъ вещей. Очередныя собранія велись съ большимъ достоинствомъ, рѣчи на нихъ отличались приподнятостью тона. Въ первыя десятилѣтія XIX вѣка главное вниманіе удѣлялось политическимъ темамъ, и лишь постепенно онѣ отходятъ на задній планъ.

Существенною отраслью дѣятельности обществъ для дебатовъ или литературныхъ клубовъ, какъ ихъ называютъ иногда, было устройство собственныхъ библіотекъ. Эти библіотеки часто служили цѣннымъ подспорьемъ къ университетскимъ библіотекамъ, на полкахъ которыхъ красовались главнымъ образомъ богословскіе труды и произведенія древнихъ классиковъ. Въ составъ же библіотеки обществъ входили преимущественно современныя литературныя и научныя сочиненія. Соперничество между отдѣльными обществами способствовало быстрому

разростанію ихъ библіотекъ. Общественное мнѣніе требовало, чтобы студенты вносили на библіотеку возможно больше, и пожертвованія въ 20, 40 и даже 100 руб. не были рѣдкостью. Книги въ то время были разъ въ пять дороже, чѣмъ въ настоящее время, и между тѣмъ были библіотеки обществъ, обладавшія тремя и даже десятью тысячами томовъ.

Большое вниманіе обращалось на украшеніе залъ для общихъ собраній общества. Пожертвованія притекали и отъ окончившихъ курсъ университета. Благодаря особой заботливости членовъ, комфортабельная, часто роскошная отдѣлка клубныхъ залъ, стѣны которыхъ украшались портретами выдающихся воспитанниковъ колледжа, представляла разительный контрастъ съ голыми стѣнами и мрачнымъ видомъ окружавшихъ ихъ аудиторій.

При обществахъ часто существовали періодическія изданія, то въ видѣ газетъ, то въ видѣ журналовъ. Журналы велись довольно скучно, но газеты часто являлись яркимъ отраженіемъ жизни колледжа.

Митинговъ общества всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, и рѣчи, произносившіяся на нихъ, имѣли въ глазахъ студенчества гораздо больше значенія, чѣмъ профессорскія лекціи. Пріобрѣтенная на митингахъ ораторская слава цѣнилась тогда сотоварищами гораздо выше, чѣмъ всѣ отличія, присуждавшіяся колледжемъ за успѣхи въ наукахъ.

Общества для дебатовъ подвергались въ свое время иногда очень суровой критикѣ. Указывали на то, что толпа неподготовленныхъ и недостаточно зрѣлыхъ слушателей встрѣчаетъ шумнымъ одобреніемъ главнымъ образомъ блестящую форму, самоувѣренность, находчивость, а не глубину содержанія. Говорили, что ораторы начинаютъ стремиться къ дешевымъ успѣхамъ и научаются прикрывать пышными фразами пустоту мысли, начинаютъ вкривь и вкось судить о неизвѣстныхъ имъ предметахъ.

Но если и были эти недостатки, то главною причи-

ной ихъ Шельдонъ считаетъ не существованіе самихъ обществъ, а низкій уровень образованія 50—60 лѣтъ тому назадъ, когда бѣдность содержанія и риторическія фразы были характерны не только для студенческихъ, но и для парламентскихъ рѣчей. Сами же общества, каковы бы ни были ихъ отрицательныя стороны, несомнѣнно, приносили большую пользу своимъ участникамъ. И особенно полезнымъ было даже не то, что участіе въ спорахъ способствовало выработкѣ механизма рѣчи, пріучало говорить въ присутствіи толпы и убѣждать толпу, подготовляло такимъ образомъ къ политической дѣятельности въ будущемъ,—еще важнѣе было то, что общество пробуждало въ своихъ членахъ и питало въ нихъ неослабный интересъ къ общественнымъ дѣламъ. «И если согласиться,—говоритъ Шельдонъ—съ новѣйшими воззрѣніями педагоговъ, что главною задачей воспитанія является созданіе постояннаго интереса, то общества дебатовъ должны считаться однимъ изъ важнѣйшихъ среди нашихъ воспитательныхъ учрежденій. Споры обыкновенно не даютъ новыхъ и точныхъ данныхъ для образованія сужденій, но они пробуждаютъ въ участникахъ живое отношеніе къ дѣлу. Они заставляютъ ихъ задуматься надъ широкимъ кругомъ вопросовъ, которымъ при другихъ условіяхъ они вовсе не удѣлили бы вниманія. Такимъ образомъ закладывается фундаментъ, на которомъ постепенно, путемъ чтенія и размышленія, накопляются все новыя данныя, пока, наконецъ, не сложится глубокаго пониманія предмета». Какъ говоритъ лондонскій Spectator, «ничто не можетъ въ такой степени содѣйствовать умственному оживленію, широтѣ и просвѣтлѣнію мыслей, благодаря вліянію одного ума на другой, какъ хорошій споръ. Общества для дебатовъ являются для молодыхъ людей не просто только школами краснорѣчія. Въ студенческій періодъ жизни разговоры о цѣляхъ и мотивахъ жизни являются чѣмъ-то гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ простые разговоры: это настоящее дѣло, характерная тен-

денція ума, и тогда нужно всячески содѣйствовать ясной кристаллизаціи мысли и чувства. Въ этомъ возрастѣ теоретическіе споры если не даютъ, то должны давать руководящую нить для жизни и развитія, и потому глупо считать ихъ простыми разговорами. Это не разговоры; это подготовка къ дѣятельности, это возникновеніе и организація интеллектуальной энергіи, интеллектуальная воля».

Общества для дебатовъ продолжаютъ развиваться до 1830—1840 года, когда начинается періодъ застоя, упадка, даже полнаго исчезновенія этихъ обществъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Въ прежнемъ видѣ и съ прежнимъ значеніемъ общества эти сохраняются лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мало измѣнились противъ прежняго условія жизни. Но они или исчезли, или совершенно измѣнили свой характеръ въ Новой Англіи и въ центральныхъ штатахъ, гдѣ на первый планъ выдвинулись теперь промышленные и коммерческіе интересы. На этой почвѣ выросъ классъ людей, въ широкой степени располагающій досугомъ, индифферентный къ политикѣ, но чуткій ко всякимъ тонкостямъ культуры. Возникла немыслимая дотолѣ дифференціація общества. И эта дифференціація, говоритъ Шельдонъ, проникла и въ колледжи. У людей уже не могутъ быть общими всѣ интересы. Одинъ посвящаетъ свои силы музыкѣ, другой—гребному плаванію, третій—нѣмецкимъ повѣстямъ. Теперь героемъ студентовъ является не авторъ юношескихъ стихотвореній, не президентъ общества для дебатовъ, а глава атлетической группы—человѣкъ съ развитыми мускулами, но, быть можетъ, съ небольшими умственными силами.

Та новая форма, въ которую вылились общества для дебатовъ въ современныхъ университетахъ востока Америки, въ наиболѣе чистомъ видѣ встрѣчается въ Гарвардѣ и Іэлѣ. Возникшія здѣсь организаціи совершенно лишены своихъ прежнихъ соціальныхъ чертъ. Это просто учрежденія для практики въ дебатахъ, созданныя университетскимъ начальствомъ при каѳедрахъ краснорѣчія и

юридическихъ наукъ. Главная дѣятельность этихъ новыхъ организацій состоитъ въ устройствѣ ораторскихъ состязаній между студентами разныхъ университетовъ, напримѣръ, между студентами Іэла и Гарварда. Рѣчи на этихъ состязаніяхъ отличаются гораздо большею содержательностью, чѣмъ рѣчи членовъ старыхъ обществъ, но въ то же время и гораздо меньшею самостоятельностью.

Соперничающіе университеты сообща устанавливаютъ темы для рѣчей, и каждый университетъ избираетъ для предстоящаго состязанія ораторовъ. Послѣ этого начинается подготовка ихъ къ состязанію. Или сами ораторы, или совѣтчики ихъ изъ профессорской среды составляютъ возможно полные библіографическіе указатели по вопросу, послѣ чего ораторы углубляются въ чтеніе литературы предмета, составляютъ замѣтки, конспекты, затѣмъ распредѣляютъ между собой различные отдѣльные вопросы, входящіе въ составъ поставленной темы. Разработка отдѣльныхъ вопросовъ и составленіе всей рѣчи ведется подъ руководствомъ профессора исторіи или англійскаго языка. Когда рѣчь готова, начинаются дебаты по поводу нея. Въ дебатахъ принимаютъ участіе способнѣйшіе люди колледжа, и каждый день ораторъ долженъ быть готовъ встрѣтить новыя возраженія и умѣть отпарировать ихъ.

Для произнесенія рѣчи во время состязанія оратору дается минутъ 15—20, для возраженія оппоненту—минутъ 5. Можно ограничиться возраженіемъ послѣднему оппоненту. Дебаты проходятъ иногда очень оживленно, присужденіе призовъ сопровождается овраціями, но въ дѣлѣ заинтересована въ концѣ-концовъ небольшая кучка участниковъ, а не все студенчество. Во многихъ случаяхъ дѣло сводится не столько къ соперничеству между студенчествомъ двухъ колледжей, сколько къ соперничеству факультетовъ, въ рукахъ которыхъ состязающіеся студенты являются просто орудіемъ. Гарвардъ уже поднялъ вопросъ о необходимости ослабить роль факультета въ подготовкѣ рѣчей, чтобы дать возможность въ большей степени про-

явить свою индивидуальность участвующимъ въ состязаніи студентамъ и сдѣлать самую систему менѣе искусственной и болѣе приближающейся къ обычнымъ условіямъ произнесенія рѣчей въ публичныхъ собраніяхъ.

На ряду съ открытыми организаціями, доступъ въ которыя имѣли или всѣ, или каждый желающій, въ американскихъ колледжахъ рано возникаютъ *тайныя общества*, съ ограниченнымъ числомъ членовъ, принимаемыхъ подчасъ съ очень большимъ выборомъ. Общества эти носятъ названіе *братствъ*, при чемъ каждое изъ нихъ называетъ себя *греческими буквами*, смыслъ которыхъ неизвѣстенъ посторонней публикѣ. Первое изъ такихъ братствъ, Фи Бета Каппа, было основано пятью студентами въ 1776 г. при колледжѣ Вильямъ и Мэри. Еще нѣсколько такихъ же обществъ возникло въ два послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка и въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XIX. Годами же самаго пышнаго расцвѣта и упорнѣйшей борьбы за существаніе были *1840—1870*. Въ нынѣшнее время братства все еще играютъ очень важную роль въ жизни колледжей.

По своимъ задачамъ первыя изъ братствъ очень близко подходили къ литературнымъ клубамъ, только дѣйствія ихъ были окутаны покровомъ тайны, и пріемъ въ нихъ сопровождался обрядностями, напоминающими обрядности вступленія въ масонскія ложи. Постепенно, впрочемъ, на первый планъ выдвигаются не литературныя, а соціальныя задачи общества. Такъ, клубъ «Горячаго пуддинга» въ Гарвардѣ (названный такъ потому, что два члена, въ послѣдовательности алфавитнаго порядка, должны были доставлять къ каждому изъ митинговъ горячій пуддингъ) основанъ былъ въ 1795 г. для того, чтобы «питать чувства дружбы и патріотизма».

Порцелліанскій клубъ въ томъ же Гарвардѣ (называвшійся раньше «Клубомъ поросенка», такъ какъ къ ужину подавали жаренаго поросенка) былъ основанъ, по словамъ

его учредителей, «на нѣкоторыхъ изъ самыхъ существенныхъ принциповъ природы: на соціальности, братской преданности и благородствѣ, а также на тѣхъ качествахъ щедрости, рыцарства и духѣ истиннаго джентльменства, которыя лучше всего выражены въ греческомъ эпиграфѣ общества». Этотъ клубъ имѣлъ всего 16 членовъ, но изъ его среды вышло много знаменитѣйшихъ американскихъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей. Въ Гарвардѣ члены братства выбирались изъ числа студентовъ всѣхъ четырехъ курсовъ и по образцу Гарварда такую же систему приняли для своихъ братствъ многіе другіе колледжи. На ряду съ этимъ очень распространена была также система, принятая въ Іэлѣ, гдѣ каждый курсъ имѣлъ свое особое братство.

По своимъ задачамъ братства первокурсниковъ почти совпадали съ обществами для дебатовъ. Ихъ мирныя занятія совершенно не соотвѣтствовали таинственно-страшнымъ формамъ «посвященія» въ члены. Въ помѣщеніе братства новичка вводилъ особо приставленный къ нему второкурсникъ. Неслись таинственные звуки музыки. По пути въ темномъ корридорѣ приходилось встрѣчать и краснаго дьявола, и скелетъ, отъ котораго несло фосфоромъ Новичка приводили въ «инквизиціонный залъ». Здѣсь задавались ему различные странные вопросы, на которые онъ давалъ условленные отвѣты. Затѣмъ кто-то бросался на него, сталкивалъ въ какую-то пропасть и «посвящаемый» летѣлъ внизъ, пока не падалъ на протянутое одѣяло. Послѣ этого полетъ внизъ внезапно замѣнялся подбрасываніемъ вверхъ, что сопровождалось различными выкрикиваніями и продолжалось до тѣхъ поръ, пока новичокъ не просилъ о пощадѣ. Далѣе слѣдовало погруженіе въ бакъ съ водой, фиктивная казнь, во время которой ножъ гильотины останавливался въ футѣ разстоянія отъ головы, положенной на плаху, и, наконецъ, заколачиваніе въ гробъ. Только послѣ этого умершій для внѣшняго міра призывался къ новой жизни въ нѣдрахъ общества.

Второкурсники уже отлагали въ сторону литературныя занятія и собирались въ свои клубы, чтобы поболтать, покурить, поиграть въ карты, попить пива. Третьекурсники, на ряду съ клубнымъ времяпровожденіемъ, вводили въ программу своихъ братствъ также и литературныя занятія. Общества четвертаго курса были совершенно тайными. Ихъ члены въ присутствіи постороннихъ не упоминали даже имени братства. Попасть въ члены считалось высшею честью, какая только доступна человѣку, и, благодаря тому, что людямъ приходилось предварительно пройти черезъ фильтръ трехъ обществъ на первыхъ трехъ курсахъ, братства четвертокурсниковъ могли отбирать, дѣйствительно, наиболѣе выдающихся. «Въ теоріи,—говоритъ Шельдонъ,—членами общества могли быть лишь лучшіе люди курса, числомъ 15, выдававшіеся или своими успѣхами, или литературными талантами, или атлетическою доблестью, или хорошими товарищескими наклонностями, или большимъ богатствомъ. Миѳическіе символы, эмблемы и числа были здѣсь въ особенномъ ходу и примѣнялись даже во всѣхъ актахъ обыденной жизни».

Каждое изъ братствъ старшаго курса имѣло свой особый домъ, иногда очень дорогой. Такъ, зданіе общества «Свитокъ и Ключи» обошлось въ 100 тыс. руб.

Между избраннымъ меньшинствомъ, входившимъ въ составъ братствъ, и остальнымъ студенчествомъ отношенія были болѣе чѣмъ натянутыя. Особенно это приходится сказать о періодѣ 1840—1870 гг.

Благодаря своей организованности, члены «греческихъ» обществъ вскорѣ пріобрѣли рѣшительное вліяніе на ходъ жизни колледжа, стали даже оказывать давленіе на дѣйствія факультета. Это вызвало у факультетовъ враждебныя отношенія къ тайнымъ обществамъ, и пятидесятые годы ознаменовались усиленными гоненіями на братства, продолжавшимися до 70-хъ годовъ. Во многихъ колледжахъ братства должны были закрыться, хотя все-таки

они продолжали существовать втайнѣ и снова возобновили свою дѣятельность, когда, послѣ продолжительной борьбы, побѣда перешла, наконецъ, на сторону братствъ.

Во всѣхъ большихъ колледжахъ, за исключеніемъ Princeton'a, гдѣ до сихъ поръ братства официально не возстановлены, начальство уступило подъ давленіемъ масонскихъ ложъ и другихъ тайныхъ обществъ страны, а также приговоровъ верховнаго суда, признавшаго незаконнымъ воспрещеніе братствъ.

Теперь, когда борьба окончилась и съ факультетами, и со студенчествомъ, не входящимъ въ составъ братствъ, установились мирныя отношенія, многое измѣнилось въ жизни тайныхъ обществъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ исчезала необходимость бороться за свое существованіе, исчезала и прежняя исключительность, а чѣмъ больше уменьшалась она, тѣмъ менѣе цѣнной въ глазахъ членовъ дѣлалась честь принадлежности къ братству. Кругъ захвата братствъ сдѣлался гораздо шире, но пропорціонально этому пала интенсивность ихъ жизни. Есть и теперь колледжи, гдѣ въ составъ братства входитъ всего 20—25% студенчества, но очень много и такихъ, гдѣ число членовъ братствъ составляетъ 50 и болѣе процентовъ общаго числа учащихся. Какъ говоритъ одинъ изъ изслѣдователей вопроса, Бэрдъ, «опытъ показалъ, что если въ братство входитъ большинство студентовъ колледжа, то братская жизнь въ колледжѣ впадаетъ въ оцѣпенѣніе и отдѣленія братства здѣсь слабы. Въ связи съ этимъ избраніе въ братство становится обычнымъ дѣломъ и честь избранія цѣнится очень мало».

Въ настоящее время «братства» представляютъ собою, большею частью клубы для болѣе состоятельной части учащейся молодежи. Клубы такъ распространены теперь среди богатыхъ классовъ американскаго общества, откуда главнымъ образомъ выходятъ студенты колледжей и университетовъ, что возникновеніе у современныхъ американскихъ студентовъ мысли о собственныхъ клубахъ

вполнѣ понятно. «Прогрессъ клубной идеи,—говоритъ Шельдонъ,—отразился и на архитектурѣ домовъ братствъ. Прежде зданія состояли изъ залы или храма, предназначеннаго только для собраній. Нынѣшнія же зданія братства являются настоящими клубными домами, гдѣ есть залы для публичныхъ собраній, ложи, спальни и т. д. Многіе изъ современныхъ «братскихъ» домовъ блещутъ украшеніями и роскошью отдѣлки, и члены справедливо гордятся ими».

На ряду съ мужскими братствами есть теперь и женскія, возникшія главнымъ образомъ въ колледжахъ запада и юга, съ совмѣстнымъ обученіемъ. На востокѣ же ихъ почти нѣтъ. Процентъ студентокъ, участвующихъ въ братствахъ, меньше соотвѣтственнаго процента студентовъ.

Въ настоящее время большинство братствъ вошло въ общій союзъ, такъ что братства того или другого колледжа являются большею частью только отдѣленіями общаго братства. Но есть и мѣстныя братства, не пожелавшія войти въ составъ общаго. Къ числу наиболѣе вліятельныхъ изъ такихъ мѣстныхъ братствъ относятся гарвардскія. Численность членовъ мѣстныхъ братствъ ничтожна по сравненію съ общимъ братствомъ: въ 1898 г. въ мѣстныхъ братствахъ было 5.389 членовъ, а въ общемъ—142.688.

Имущество братствъ оцѣнивается въ 10 милліоновъ рублей. Важнѣйшія отдѣленія выпускаютъ разныя изданія, въ томъ числѣ журналы - четырехмѣсячники. На съѣзды стекаются сотни делегатовъ отъ всѣхъ отдѣленій союза.

Изъ всѣхъ студенческихъ обществъ наибольшею извѣстностью среди американской публики въ настоящее время пользуются *спортивныя* или *атлетическія*, какъ они называются въ Америкѣ. Три четверти того, что проникаетъ въ публику относительно жизни колледжей, ка-

сается именно атлетическихъ обществъ. Въ юмористическихъ листкахъ типическій студентъ изображается въ видѣ игрока въ мячъ, юноши съ длинными волосами, нѣсколько прихрамывающаго. Гребныя гонки и состязанія въ игрѣ въ ножной мячъ между колледжами, особенно между Гарвардомъ и Іэломъ, привлекаютъ къ себѣ теперь всеобщее вниманіе. «Осенью, — пишетъ гарвардскій профессоръ Тауссигъ, —общину охватываетъ настоящее помѣшательство по поводу игры въ ножной мячъ (футболъ), и цѣлыя недѣли самымъ важнымъ вопросомъ для публики является, повидимому, то, окажутся ли болѣе опытными въ игрѣ въ мячъ одиннадцать юношей, одѣтыхъ въ красивый черный или желтый цвѣтъ, или другіе одиннадцать, одѣтыхъ въ синее. Публика стекается на матчи тысячами и доказываетъ интенсивность своего интереса, уплачивая невѣроятныя цѣны за мѣста.

Уже за недѣли предъ каждымъ важнымъ состязаніемъ во всѣхъ газетахъ начинаютъ появляться біографіи и портреты участниковъ игры, различныя свѣдѣнія о ихъ тренировкѣ, обсуждаются шансы на успѣхъ той или другой партіи. И всѣ эти газетные толки крайне волнуютъ участниковъ и утомляютъ ихъ еще больше, чѣмъ физическое напряженіе при подготовкѣ къ состязанію. А по окончаніи состязанія десятки газетныхъ столбцовъ, со множествомъ иллюстрацій, даютъ подробнѣйшіе отчеты о всѣхъ перипетіяхъ борьбы. Участники состязаній между коллегіями раздѣляютъ теперь извѣстность профессіональныхъ борцовъ и велосипедистовъ. Побѣдитель является героемъ и въ глазахъ студентовъ, особенно студентовъ младшихъ курсовъ.

Все это—продукты новѣйшаго времени, послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, результатъ современнаго настроенія Америки. Въ первой половинѣ XIX вѣка всѣ атлетическія упражненія носили въ американскихъ колледжахъ совершенно случайный характеръ и были въ полномъ загонѣ. «Тогда,—говоритъ Франсисъ Уокеръ (Walker),—къ

физической доблести относились не только равнодушно, а даже презрительно. Человѣкъ, извѣстный за особо одареннаго въ этомъ отношеніи, только терялъ въ общественномъ мнѣніи. Если становилось извѣстнымъ, что онъ много занимается физическими упражненіями, его начинали презирать. Считали несомнѣннымъ, что ни на что другое онъ уже болѣе неспособенъ. Полагали, что мышцы и мозгъ развиваются въ обратно пропорціональномъ отношеніи. Сила представлялась чѣмъ-то близкимъ къ скотству». До 1840 года существовало какихъ-нибудь два-три гимнастическихъ клуба.

Первымъ проявленіемъ организованнаго спорта въ колледжахъ было устройство яхтъ-клуба въ Іэлѣ въ 1843 г. Въ Гарвардѣ интересъ къ гребному спорту появился значительно позже, но затѣмъ онъ быстро растетъ, и въ пятидесятыхъ годахъ начинаются уже гребныя гонки между Іэломъ и Гарвардомъ, долгое время сосредоточивавшія на себѣ главное вниманіе любителей спорта въ Америкѣ. До 1870 года во время этихъ гонокъ страсти публики разыгрывались такъ же, какъ теперь во время состязаній въ ножной мячъ.

Съ 1880 года первое мѣсто окончательно завоевываетъ общество для игры въ ножной мячъ, второе мѣсто принадлежитъ яхтъ-клубамъ, третье—обществамъ для игры въ американскую лапту, а затѣмъ идутъ общества для самыхъ разнообразныхъ видовъ спорта. Здѣсь и крикетъ, и велосипедъ, и ходьба и т. д. Большинство атлетическихъ обществъ требуетъ отъ своихъ участниковъ громадной затраты силъ, времени и денегъ. Особенно относится это къ обществамъ для игры въ ножной мячъ.

Капитанъ группы долженъ озаботиться привлеченіемъ возможно лучшихъ участниковъ игры. Онъ отправляется для вербовки членовъ и въ подготовительныя школы, и въ меньшіе колледжи и завлекаетъ молодежь то лестью, то обѣщаніемъ славы и выдающагося соціальнаго положенія, иногда даже хорошо оплачиваемыхъ синекуръ.

Предъ денежными тратами не останавливаются. Капитанъ или завѣдующій хозяйствомъ группы, заподозрѣнный въ бережливости, считается прямо измѣнникомъ дѣлу. Тратить деньги приходится и на вербовку членовъ, и на экипировку, и на столъ, и на тренировку, и на всякіе непредвидѣнные расходы. Денегъ не считаютъ и пріучаются прямо къ расточительности, хотя случаи злостныхъ растратъ не часты. Тратъ не страшатся, такъ какъ онѣ въ значительной степени покрываются сборами за мѣста во время состязаній. Публика готова платить прямо бѣшеныя деньги, и доходъ въ сотню тысячъ долларовъ за одинъ сезонъ не представляетъ чего-либо исключительнаго.

Времени на физическія упражненія въ теченіе всего года, не говоря уже о горячей порѣ подготовки къ состязаніямъ, членами атлетическихъ клубовъ тратится огромное количество. Послѣ 4—5 часовъ напряженнѣйшихъ физическихъ упражненій атлеты могутъ быть лишь номинальными участниками въ интеллектуальной жизни колледжа. «Въ трехъ видахъ спорта (гребныя гонки, амер. лапта и ножной мячъ),—говоритъ президентъ Элліотъ,—на тренировку и практику идетъ слишкомъ большая часть учебнаго года и слишкомъ много часовъ въ день. Студентъ не можетъ надлежащимъ образомъ вести свои занятія и принимать полное участіе въ спортивныхъ упражненіяхъ. Вѣрный членъ клуба можетъ еще ходить на лекціи или другія занятія колледжа, но онъ рѣдко можетъ уйти душой въ эти занятія. Его нервная энергія истощена или тѣлесными упражненіями или возбужденіемъ въ зависимости отъ частыхъ состязаній Это, сравнительно новое, зло быстро разрослось въ послѣднее время».

Одной изъ важныхъ отрицательныхъ сторонъ атлетическихъ игръ, особенно игры въ ножной мячъ, является возможность различныхъ физическихъ пораненій во время состязаній. Случаи вывиховъ, поломовъ костей, выбитія

зубовъ, растяженія связокъ и воспаленія мозга являются въ результатѣ почти каждаго состязанія. Указываютъ и на неблагопріятное моральное вліяніе состязаній. Въ ходъ пускаются и хитрость, и обманъ, и другія недозволенныя средства, лишь бы одержать побѣду. А вопросъ о томъ, кто одержитъ побѣду, составляетъ, повидимому, главный интересъ игры. «Во многихъ колледжахъ, — говоритъ Шельдонъ,—главнымъ мотивомъ является не интересъ къ физическимъ упражненіямъ, но желаніе отличиться, честолюбивое стремленіе побить другого. Среди англо-саксонскихъ расъ любовь къ физическимъ упражненіямъ является результатомъ, а не причиной соревновательныхъ состязаній».

Дурныя стороны вліянія спортивныхъ обществъ отчасти ослабляются тѣмъ, что оно распространяется лишь на ихъ участниковъ. А ихъ не такъ уже много. Членомъ атлетическаго общества можно сдѣлаться лишь по выдержаніи экзамена для оцѣнки физическихъ силъ. Въ Гарвардѣ державшихъ такой экзаменъ насчитывается всего 21%, но, конечно, не всѣ выдержавшіе экзаменъ затѣмъ подвергаются систематической тренировкѣ. Есть колледжи и университеты, гдѣ число членовъ атлетическихъ клубовъ составляетъ 50, даже 80%, но въ большинствѣ оно не выше 20. Вообще 20%, по мнѣнію Шельдона, являются средней нормой для всѣхъ колледжей.

Тѣ злоупотребленія въ тратѣ денегъ и времени, какія часты были раньше, нѣсколько ослаблены теперь, благодаря тому, что во главѣ атлетическихъ обществъ въ каждомъ колледжѣ поставленъ особый комитетъ, состоящій въ равной долѣ изъ представителей факультета, студентовъ и лицъ, имѣющихъ ученыя степени даннаго колледжа. Комитету принадлежитъ рѣшающій голосъ по важнѣйшимъ административнымъ вопросамъ клуба.

На ряду съ дурными сторонами спортивныхъ обществъ даже противники ихъ признаютъ и нѣкоторыя благотворныя стороны ихъ вліянія. Главная изъ нихъ заключается,

по ихъ мнѣнію, въ томъ, что атлетическія общества пробудили въ широкихъ кругахъ студенчества мысль о необходимости не только интеллектуальной, но и физической культуры.

Такимъ же продуктомъ новѣйшаго времени, какъ и атлетическія общества, является сравнительно могущественная организація *религіозныхъ обществъ* въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Америки.

Въ прежнее время если и встрѣчались религіозныя общества, то, во-первыхъ, ихъ было очень мало; во-вторыхъ, это были маленькіе кружки, ставившіе себѣ очень узкія цѣли; въ-третьихъ, это были кружки совершенно мѣстные, не имѣвшіе никакой связи съ кружками другихъ колледжей.

XVIII вѣкъ и начало XIX были совершенно неблагопріятны возникновенію какихъ бы то ни было религіозныхъ обществъ. Сперва этому мѣшалъ церковный характеръ колледжей. Обязательныя занятія были настолько проникнуты религіознымъ духомъ, что свободныхъ студенческихъ обществъ для тѣхъ же задачъ, какія ставились офиціальнымъ преподаваніемъ, не могло и возникнуть. Затѣмъ, послѣ французской революціи, американское студенчество проникается скептическимъ умонастроеніемъ, менѣе всего благопріятствовавшимъ возникновенію религіозныхъ ассоціацій. Въ теченіе всей первой половины XIX вѣка религіозно-настроенные студенты составляли ничтожное меньшинство, подвергавшееся всяческимъ издѣвательствамъ со стороны всей массы студенчества, считавшаго благочестіе, особенно воинствующее благочестіе пережиткомъ средневѣковья.

При такомъ настроеніи большинства если и возникали отдѣльныя религіозныя общества, то создавались они не по свободному почину студенчества, а стараніями профессоровъ богословскихъ и сопредѣльныхъ съ богословскими наукъ.

Совершенно другую картину видимъ мы теперь. Студенты евангелическаго вѣроисповѣданія выдѣлили въ настоящее время изъ своей среды обширную *студенческую христіанскую ассоціацію молодежи*, возникшую въ 1877 г. какъ студенческое отдѣленіе *общей* христіанской ассоціаціи молодежи [1]). Въ 1895 г. это отдѣленіе объединяло 475 религіозныхъ студенческихъ обществъ съ 30.000 членовъ. Кромѣ того есть еще рядъ религіозныхъ студенческихъ обществъ изъ лицъ *не*евангелическаго вѣроисповѣданія и потому невошедшихъ въ союзную организацію. Во главѣ христіанской студенческой ассоціаціи стоитъ 5 генеральныхъ секретарей. Они переѣзжаютъ изъ одного колледжа въ другой, заводятъ новыя филіальныя отдѣленія, устраиваютъ конференціи, произносятъ рѣчи, даютъ различныя указанія, заботятся о надлежащемъ ходѣ всей той сложной машины, какую представляетъ союзная организація. Время отъ времени, кромѣ студенческихъ конференцій даннаго колледжа, устраиваются съѣзды делегатовъ, а также съѣзды президентовъ отдѣльныхъ обществъ, вошедшихъ въ ассоціацію. Ассоціація студенческой христіанской молодежи издаетъ множество летучихъ листковъ и даже журналъ, посвященный обзору ея дѣятельности. По образцу мужского отдѣленія ассоціаціи теперь организовано и женское изъ студентокъ колледжей.

Дѣятельность мѣстныхъ обществъ, входящихъ въ составъ общей организаціи, отличается оживленностью и разнообразіемъ. Одной изъ ихъ задачъ является забота о богословскомъ образованіи сочленовъ, такъ какъ сами колледжи не даютъ теперь такого образованія: соотвѣтствен-

---

[1]) Изъ С. Штатовъ движеніе распространилось и на другія протестантскія страны. Это повело къ возникновенію „Міровой студенческой христіанской федераціи“, имѣющей теперь свои отдѣленія, кромѣ С. Штатовъ, въ Канадѣ, Англіи, Австраліи, Индіи, южной Африкѣ и другихъ англійскихъ колоніяхъ, въ Германіи, въ Скандинавскихъ государствахъ, въ Швейцаріи, въ Нидерландахъ, въ Японіи и Китаѣ.

ныхъ каѳедръ теперь не существуетъ. Затѣмъ они стремятся также удовлетворить религіознымъ потребностямъ своихъ членовъ и способствовать распространенію религіозности во всемъ обществѣ, поддерживаютъ миссіонерское дѣло. Кромѣ того они удѣляютъ значительное количество силъ практическому разрѣшенію благотворительныхъ и просвѣтительныхъ задачъ. Чтобы придать больше устойчивости своему существованію, многія мѣстныя общества озаботились постройкой собственныхъ домовъ для своихъ собраній. Въ 1895 г. обществами было выстроено уже 21 домъ стоимостью болѣе 800.000 рублей (самыми солидными постройками располагаютъ Іэль, Корнель и Принсетонъ).

Дѣятельность мѣстныхъ религіозныхъ обществъ далеко не одинакова въ разныхъ колледжахъ, въ зависимости отъ общаго духа того или другого учебнаго заведенія. Такъ, напримѣръ, въ Гарвардѣ, вообще извѣстномъ своимъ критическимъ направленіемъ, критицизмъ положилъ свою печать и на богословскую дѣятельность религіозныхъ обществъ. Одно изъ регулярныхъ собраній обществъ, субботнее, посвящается проповѣди и молитвѣ, но другое, четверговое, предназначено для критическаго разбора библіи. Къ послѣднимъ собраніямъ охотно допускаютъ даже скептически настроенныхъ людей. На ряду съ этимъ Гарвардъ затрачиваетъ очень много силъ и времени на дѣла благотворительности и просвѣщенія. У религіозныхъ обществъ Гарварда есть особая контора для оказанія помощи нуждающимся, послѣ самаго тщательнаго ознакомленія со всѣми условіями ихъ жизни. Есть особый комитетъ изъ студентовъ-медиковъ для поданія помощи больнымъ дѣтямъ. Устроены занятія съ рабочими. Общества образовали также особый центръ для распространенія университетскаго образованія. По проспектамъ этого центра читаютъ до 200 рабочихъ и клерковъ. По средамъ читаются публичныя лекціи главнымъ образомъ членами гарвардскаго факультета. «Всѣми этими средствами, говоритъ Шельдонъ,—союзъ старается установить взаимную

симпатію между студентами и рабочими. Организація является поэтому, по своимъ методамъ и принципамъ, существенно демократической. Расходы покрываются небольшими взносами и сборами съ концертовъ, устраиваемыхъ гарвардскими музыкальными обществами».

Мѣстное общество въ Іэлѣ представляетъ много отличнаго отъ гарвардскаго. Оно въ значительной степени отмѣчено печатью воинствующаго христіанства. Главную долю своихъ силъ оно затрачиваетъ на пропаганду, агитацію и вербовку новыхъ членовъ. Вступленіе въ ряды общества открываетъ предъ новичкомъ перспективы полученія всяческой помощи, платной работы и т. д. Новички дѣлятся на группы въ 25—30 человѣкъ. Отвѣтственность за успѣшный ходъ ихъ религіозно-нравственнаго воспитанія возлагается на спеціально приставленныхъ къ нимъ старшихъ членовъ. Помимо того Іэлъ ведетъ пропаганду религіозно-нравственныхъ идей и за стѣнами колледжа, устраиваетъ различныя миссіи и т. д.

Въ другихъ колледжахъ мы найдемъ отклоненія то въ ту, то въ другую сторону: то приближеніе къ духу свободнаго изслѣдованія, благотворительности и просвѣщенія, царящему въ Гарвардѣ, то къ духу воинствующаго христіанства, характеризующему Іэлъ. Почти вездѣ, впрочемъ, на ряду съ чисто религіозною дѣятельностью, мы встрѣтимъ и благотворительную въ той или другой формѣ. Если благотворительность и не распространяется всегда такъ широко, какъ въ Гарвардѣ, то во всякомъ случаѣ почти вездѣ организована помощь нуждающимся студентамъ, въ видѣ пріисканія постоянныхъ мѣстъ или отдѣльной платной работы, выдачи вспомоществованія и ссудъ по небольшимъ процентамъ и т. д. Довольно широко разрослось теперь и миссіонерское движеніе въ университетахъ. Сами студенты, впрочемъ, не идутъ въ миссіонеры, а пропагандируютъ только миссіонерскую идею и вербуютъ изъ внѣшней по отношенію къ колледжу среды работниковъ въ отдаленныя миссіи.

Въ странѣ съ такимъ широкимъ развитіемъ самоуправленія, какъ С. Штаты, вполнѣ естественно было бы ожидать примѣненія принциповъ самоуправленія къ студенческой жизни. Въ дѣйствительности мы встрѣчаемся съ самоуправляющимися ассоціаціями въ студенческой средѣ, хотя и встрѣчаемъ ихъ не въ той широтѣ и полнотѣ, какъ можно было бы предполагать a priori.

Правда, бывали попытки довольно полнаго проведенія началъ самоуправленія среди студенчества, но эти попытки не были особенно долговѣчны.

Очень часто самоуправленіе вводилось по почину президентовъ университета, между которыми встрѣчаются убѣжденные защитники полной примѣнимости началъ самоуправленія къ студенческой средѣ. Президентъ Warfield въ одной изъ недавнихъ своихъ статей пишетъ, напримѣръ, слѣдующее: «Дайте 75-ти или еще большему проценту студентовъ голосъ въ рѣшеніи дѣлъ колледжа, научите ихъ, какъ пользоваться этимъ голосомъ, заставьте ихъ думать, что ихъ собственная репутація и репутація колледжа зависятъ отъ нихъ самихъ, и тогда энергичнымъ проявленіемъ общественнаго мнѣнія они подавятъ всѣ безпорядки гораздо лучше, чѣмъ это могутъ сдѣлать всѣ законы, которые могутъ быть изданы для этого».

Одною изъ наиболѣе полныхъ попытокъ проведенія подобныхъ теорій въ жизнь была система самоуправленія, введенная въ 1868 г. въ университетѣ Иллинойса. Она была предложена его президентомъ и единогласно принята студенчествомъ. Студентамъ была предоставлена законодательная, исполнительная и судебная власть въ колледжѣ. Органомъ законодательной власти сперва были общестуденческія собранія, а когда число студентовъ очень разрослось, то она перешла къ выборному отъ студентовъ сенату изъ 21 чел. Законодательное собраніе издавало правила для охраны порядка, законы противъ игры въ карты и употребленія спиртныхъ напитковъ, противъ нарушеній студенческихъ правъ и т. д. Разборъ правона-

рушеній вѣдалъ судъ изъ 3 членовъ, налагавшихъ денежный штрафъ. Исполнительная власть предоставлена была выборнымъ должностнымъ лицамъ: президенту, вице-президенту, секретарю, казначею и маршалу. Сперва дѣла шли хорошо, но когда исчезла прелесть новизны и ослабѣлъ энтузіазмъ, начались раздоры и интриги въ студенческой средѣ, и въ 1883 г., по постановленію общаго собранія студентовъ, система прекратила свое существованіе. Изъ 350 поданныхъ голосовъ за сохраненіе системы высказалось только 76.

Были и болѣе удачныя попытки. Такъ, очень хорошо отзываются о студенческомъ сенатѣ, возникшемъ въ Амгерстѣ въ 1883 году. Сенатъ былъ созданъ для урегулированія внутреннихъ студенческихъ отношеній, которыя, по признанію тогдашняго начальства колледжа, ближе извѣстны самимъ студентамъ, чѣмъ членамъ факультета. Въ составъ сената входило 10 членовъ: 4 отъ четвертаго курса, 3 отъ третьяго, 2 отъ второго и 1 отъ перваго. Въ 1894 г. сенатъ былъ уничтоженъ, такъ какъ новое начальство отнеслось несочувственно къ нему.

Чтобы выяснить распространеніе въ студенческой средѣ началъ самоуправленія въ настоящее время, Шельдонъ обратился съ циркулярнымъ письмомъ къ 40 высшимъ учебнымъ заведеніямъ: 20 небольшимъ колледжамъ и 20 болѣе крупнымъ университетамъ. Отвѣтъ прислали 32 учебныхъ заведенія. Студенческое самоуправленіе въ той или другой формѣ встрѣчается въ 18 изъ нихъ. Малые колледжи относятся, повидимому, съ бо̀льшимъ довѣріемъ къ идеѣ самоуправленія, чѣмъ большіе университеты. Практикующіяся въ колледжахъ и университетахъ формы самоуправленія Шельдонъ сводитъ къ 5 типамъ: 1) студенческіе комитеты для предупрежденія обмана во время экзаменовъ, 2) совѣщательные комитеты при факультетахъ, 3) комитеты, обладающіе болѣе или менѣе полною дисциплинарною властью, 4) комитеты для поддержанія порядка въ дортуарахъ и 5) студенческія само-

управляющіяся ассоціаціи, не имѣющія отношенія къ вопросамъ дисциплины.

Система веденія *экзаменовъ* «на совѣсть» утвердилась въ южныхъ колледжахъ. Профессора не принимаютъ тамъ никакихъ мѣръ предосторожности противъ обмана со стороны студентовъ, оставляютъ студентовъ однихъ въ аудиторіи во время письменныхъ испытаній, и товарищи сами не допустятъ никакого обмана. Студентъ, уличенный товарищами въ недобросовѣстности, бываетъ вынужденъ оставить колледжъ. Но таковы нравы только въ южныхъ колледжахъ. Сѣверяне смотрятъ на все это, какъ на донкихотство. Сѣверный студентъ не позволитъ себѣ обмануть товарища, но считаетъ совершенно позволительнымъ провести профессора. Но и на сѣверѣ тоже дѣлались во многихъ университетахъ попытки примѣненія студенческаго надзора за ходомъ занятій и экзаменовъ. Мнѣнія факультетовъ относительно успѣшности примѣненія этой мѣры довольно противорѣчивы. Авторитетнѣйшіе свидѣтели изъ колледжей Принсетона и Корнеля указываютъ, что система имѣла самое благотворное вліяніе на студентовъ. Въ другихъ университетахъ введеніе системы студенческаго надзора не имѣло никакого вліянія. Студенты хотя и замѣчаютъ плутовство товарищей, но считаютъ низкимъ выдавать ихъ.

Совѣщательные комитеты встрѣчаются не такъ часто, какъ комитеты для надзора за экзаменами. Они образованы по образцу амгерійскаго сената (4 четвертокурсника, 3 третьекурсника, 2 второкурсника и 1 первокурсникъ) и существуютъ для устраненія недоразумѣній между студентами и факультетомъ. И студенты, и университетское начальство отзываются одинаково хорошо о результатахъ дѣятельности этихъ ко́митетовъ.

Въ четырехъ изъ колледжей, прославшихъ отвѣтъ на запросъ Шельдона, имѣются комитеты, обладающіе дисциплинарной властью. Эти комитеты представляютъ собою *студенческіе суды*, которымъ принадлежитъ право рѣшать

въ окончательномъ порядкѣ всѣ дѣла, касающіяся правонарушенія и обидъ, нанесенныхъ студентами другъ другу.

Въ Чикаго, Пенсильваніи и Вандербильтѣ принята форма самоуправленія, кругъ дѣйствія которой простирается лишь на охрану порядка въ *спальныхъ* помѣщеніяхъ. Выработаны особыя правила общежитія, принимаемыя двумя третями голосовъ живущихъ, и имѣются выборныя должностныя лица, слѣдящія за соблюденіемъ этихъ правилъ.

Къ категоріи обществъ, не имѣющихъ отношенія къ вопросамъ дисциплины, Шельдонъ относитъ *систему централизаціи студенческаго хозяйства*, введенную въ университетѣ Леландъ Станфордъ. Каждый годъ студенты выбираютъ здѣсь баллотировкой президента и другихъ должностныхъ лицъ, а также 7 членовъ исполнительнаго комитета. Президентъ, по своему званію, является предсѣдателемъ этого комитета. Исполнительному комитету принадлежитъ контроль надъ всѣми студенческими дѣлами, въ особенности же контроль надъ атлетическими и литературными клубами и музыкальными обществами. Важнѣйшая роль въ организаціи принадлежитъ, быть можетъ, платному казначею, выбираемому изъ числа окончившихъ университетъ. На немъ лежитъ завѣдываніе финансами всѣхъ студенческихъ обществъ. Дѣйствительно вмѣшиваться ему приходится однако въ хозяйства лишь тѣхъ обществъ, гдѣ бюджетъ великъ. Наибольшему контролю подлежатъ такимъ образомъ атлетическія и музыкальныя общества. Другія организаціи фактически ведутъ свое хозяйство совершенно самостоятельно. Техническіе вопросы, относящіеся къ спорту, предоставлены атлетическому комитету изъ 7 лицъ, имѣющему однако лишь право давать совѣты, а не постановлять окончательныя рѣшенія.

Система централизаціи внесла много порядка въ распоряженіе крупными суммами, имѣющимися у студенческихъ обществъ. Должностныя лица должны соблюдать большую осторожность уже подъ страхомъ отвѣтственности предъ

общимъ студенческимъ собраніемъ, которое можетъ быть созвано во всякое время, для провѣрки дѣйствій своихъ уполномоченныхъ. Опытъ еще непродолжителенъ, но пока дѣло идетъ очень удовлетворительно.

Подводя итоги всему опыту съ организаціями самоуправленія въ студенческой средѣ, Шельдонъ говоритъ: «Мы должны откровенно сознаться, что большинство попытокъ самоуправленія имѣло умѣренный успѣхъ. Онѣ не произвели радикальнаго измѣненія дисциплины, не измѣнили характера американской молодежи. Но онѣ въ нѣкоторой степени внесли чувство отвѣтственности въ среду студенчества. Онѣ повысили гармонію между студентами и профессорами, поднявъ уровень самодисциплины у однихъ и избавивши другихъ отъ тягостныхъ обязанностей... Но вообще организація студенческаго самоуправленія является скорѣе случайнымъ, чѣмъ характернымъ созданіемъ американской студенческой жизни. Многіе изъ выдающихся колледжей обходятся совершенно безъ органовъ самоуправленія. Эти органы не принадлежатъ, такимъ образомъ, къ числу такихъ характерныхъ для студенчества организацій, какими являются: курсъ, общества для дебатовъ, братства или атлетическіе клубы».

Еще меньшую роль, чѣмъ организація самоуправленія, играютъ въ жизни американскихъ колледжей другія общества.

Кое-гдѣ есть политическіе клубы, при чемъ, говоритъ Шельдонъ, интересно отмѣтить, что такъ же, какъ и въ другихъ странахъ, говорящихъ на англійскомъ языкѣ, студенчество является не революціоннымъ и разрушительнымъ элементомъ, какъ на континентѣ Европы, а элементомъ, даже болѣе консервативнымъ, чѣмъ средній гражданинъ. Есть цѣлый рядъ музыкальныхъ обществъ. Было нѣсколько естественно-научныхъ обществъ, недурно работавшихъ въ свое время, но исчезнувшихъ съ тѣхъ поръ, какъ въ са-

михъ колледжахъ были вполнѣ удовлетворительно поставлены точныя науки, и потому стало возможнымъ удовлетворить своимъ научнымъ потребностямъ въ официальныхъ учрежденіяхъ университета.

Если оставить въ сторонѣ студенческія общества, играющія въ жизни американскихъ колледжей второстепенную роль, и сосредоточить свое вниманіе на тѣхъ, которыя даютъ тонъ жизни, то сразу бросается въ глаза разница между типическимъ представителемъ студенчества начала и конца 19-го вѣка.

Въ началѣ вѣка такимъ представителемъ былъ добрый товарищъ, готовый горой стоять за все студенчество, немного забулдыга и забіяка, человѣкъ, страстно интересовавшійся общественными вопросами, радикалъ въ вопросахъ политики и религіи. Теперь—это человѣкъ, довольно равнодушно относящійся къ общестуденческимъ дѣламъ, членъ богатыхъ фешенебельныхъ клубовъ, спортсменъ, нерѣдко человѣкъ не только благочестивый, но и представитель воинствующей пропаганды, по своимъ политическимъ воззрѣніямъ большею частью консерваторъ, если не ретроградъ. Субъективно можно различно относиться къ такой эволюціи студенческаго типа, но нельзя не признать ее естественнымъ результатомъ эволюціи американской жизни. Демократическое общество юной и страстно преданной своимъ принципамъ республики, ставъ на капиталистическій путь развитія, постепенно выдѣлило изъ своей среды если не аристократію, то плутократію. Типичный современный американскій студентъ является представителемъ не всего американскаго общества, какъ было прежде, при отсутствіи рѣзкихъ соціальныхъ различій, а представителемъ именно этой плутократіи. Что мудренаго, если онъ имѣетъ мало общаго со своимъ собратомъ начала вѣка?

Общества учащихся встрѣчаются не только въ высшихъ, но и *въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ* Америки.

Въ Америкѣ мы находимъ среднія школы разнаго типа. Частью это—подготовительныя школы къ университету (такъ называемыя подготовительныя школы и академіи), частью школы съ законченнымъ курсомъ («высшія школы»), частью учительскія семинаріи («нормальныя школы»). Курсъ большинства этихъ школъ 4-хлѣтній, такъ что онѣ отчасти соотвѣтствуютъ четыремъ старшимъ классамъ нашихъ гимназій.

Изъ всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній въ условія, наиболѣе благопріятныя для развитія въ нихъ обществъ учащихся, поставлены академіи и подготовительныя школы. Это закрытыя учебныя заведенія. Учителя въ нихъ—люди съ высшимъ образованіемъ, привыкшіе къ порядкамъ колледжей. Директора—тоже. При томъ они обыкновенно имѣютъ очень независимое положеніе и могутъ руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно своими убѣжденіями, а не мнѣніями или подчасъ даже предразсудками публики, съ чѣмъ приходится считаться директорамъ «высшихъ школъ», особенно высшихъ школъ въ маленькихъ городкахъ. «Собранныя нами свѣдѣнія,—говоритъ Шельдонъ,—указываютъ, что директора академій цѣнятъ общества учащихся гораздо выше, чѣмъ ихъ цѣнитъ начальство высшихъ школъ и видятъ въ нихъ законный факторъ воспитательнаго дѣла. Въ связи съ этимъ, въ лучшихъ подготовительныхъ школахъ и академіяхъ развивается въ болѣе сильной степени, чѣмъ въ высшихъ школахъ, *esprit du corps* и общинная жизнь является болѣе развитой. Во всѣхъ обществахъ здѣсь принимаетъ участіе гораздо большій процентъ учащихся, чѣмъ въ другихъ школахъ. Какъ и можно было бы предполагать на основаніи ихъ тѣсной связи съ колледжами, общества учащихся въ академіяхъ и подготовительныхъ школахъ близко напоминаютъ такія же учрежденія высшихъ школъ».

Менѣе всего благопріятными для возникновенія обществъ учащихся являются условія, существующія въ высшихъ школахъ маленькихъ городковъ, гдѣ директоръ и учителя

завалены массой работы и вынуждены бываютъ давать въ день 7—8 уроковъ. Вполнѣ естественно, что ко всякой прибавкѣ труда здѣсь относятся крайне недружелюбно. А различныя общества, особенно общества литературныя, несомнѣнно могутъ потребовать отъ преподавателей затраты силъ и энергіи, если только они пожелаютъ дать дѣлу надлежащее направленіе.

Совершенно въ особомъ положеніи находятся нормальныя школы. Сюда поступаютъ, большею частью, учителя и учительницы, уже искусившіеся въ практической дѣятельности. Практическую точку зрѣнія они вносятъ и въ свое отношеніе къ школѣ. Въ возмѣщеніе за всякую минуту потеряннаго времени они требуютъ чего либо существеннаго. Полезными они считаютъ для себя общества для дебатовъ и религіозныя ассоціаціи. И тѣ и другія общества функціонируютъ поэтому въ нормальныхъ школахъ очень успѣшно. Въ послѣднее время прививаются и атлетическія общества. Начальство нормальныхъ школъ относится къ вопросу объ обществахъ очень благожелательно. Особенно полезными оно находитъ литературныя общества, считая самодѣятельность учащихся самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, для развитія въ будущемъ учителѣ крайне необходимыхъ для него свойствъ: умѣнья писать и говорить. Учитель, думаютъ американцы, долженъ чувствовать себя какъ дома и на страницахъ періодическаго изданія, и на ораторской платформѣ. А для этого онъ долженъ пройти надлежащую школу, которой только и могутъ явиться самостоятельно работающіе литературные клубы.

Что касается отдѣльныхъ видовъ обществъ, то наиболѣе распространенной является *организація класса*, соотвѣтствующая курсовой организаціи колледжа. Изъ 41 школъ, приславшихъ отвѣты Шельдону, такая организація была въ 39. По отзывамъ директоровъ, юноши не сразу привыкаютъ къ такой организаціи. Въ одной изъ школъ пришлось исключить изъ школы подрядъ трехъ

президентовъ 1-го класса. Но со 2-го класса дѣло налаживается и выборныя должностныя лица класса завѣдываютъ имъ настолько хорошо, что, въ общемъ, не вызываютъ нареканій ни со стороны товарищей, ни со стороны начальства. Показною стороною общей жизни класса является устройство драматическихъ спектаклей, вечеринокъ, пріемовъ и баловъ. Жизнь класса дружнѣе въ школахъ маленькихъ городковъ и деревень. Въ большихъ городахъ, учащіеся, выходя изъ разныхъ соціальныхъ слоевъ, часто избѣгаютъ общенія со всѣми и предпочитаютъ держаться каждый своей компаніи.

Общества для дебатовъ оказались существующими въ 31 школѣ (изъ 41). Начальство и учителя тѣхъ школъ, гдѣ есть эти общества, почти единогласно (всѣ противъ одного) отозвались о нихъ благопріятно. Въ подготовительныхъ школахъ въ составъ обществъ для дебатовъ входитъ отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ учащихся, а въ нѣкоторыхъ школахъ даже всѣ учащіеся. Въ высшихъ школахъ участниковъ уже меньше: отъ 5 до 20%. Выше всего общества для дебатовъ стоятъ въ нормальныхъ школахъ.

Для характеристики хода дѣлъ въ обществахъ для дебатовъ въ средней школѣ приведемъ отзывы начальства этихъ школъ. Директоръ одной изъ академій, съ совмѣстнымъ обученіемъ юношества обоего пола, пишетъ: «Въ нашей школѣ процвѣтаетъ 4 литературныхъ общества. Два изъ нихъ состоятъ изъ юношей старше 15 лѣтъ и работаютъ очень хорошо. Они сами выбираютъ своихъ должностныхъ лицъ, вырабатываютъ программы, заботятся о залахъ собранія. Въ каждомъ ихъ этихъ обществъ есть выдающіеся ораторы, и вообще у членовъ развиваются значительныя ораторскія дарованія... Дѣвушки въ своихъ обществахъ занимаются главнымъ образомъ музыкой и чтеніемъ, дебаты являются здѣсь случайнымъ элементомъ. Общественное чувство развито у нихъ не такъ сильно, какъ въ обществахъ мальчиковъ».

Начальникъ одной изъ высшихъ школъ отзывается та-

кимъ образомъ: «У нашихъ воспитанниковъ есть цвѣтущее литературное общество. Собранія бываютъ разъ въ двѣ недѣли и посѣщаются хорошо. Принимая во вниманіе возрастъ участниковъ, веденіе дѣла въ немъ нужно признать хорошимъ. У нѣкоторыхъ изъ членовъ замѣчаются значительные таланты. Большинство, по юности, принимаетъ мало участія въ дѣлахъ. Почти вся тяжесть дѣла лежитъ на плечахъ немногихъ старшихъ учениковъ... На собраніяхъ преобладаютъ рѣчи, произносимыя экспромтомъ. Назначается тема, и затѣмъ предсѣдатель вызываетъ по очереди записавшихся ораторовъ... Дебаты, устраиваемые послѣ предварительной подготовки, бываютъ иногда превосходны, особенно если примѣшивается элементъ соревнованія, напримѣръ, при состязаніи двухъ классовъ или при состязаніи на призъ съ другими школами».

Нужно замѣтить однако, что, при отсутствіи всякаго содѣйствія со стороны педагогическаго персонала, дѣло въ обществахъ для дебатовъ принимаетъ подчасъ нежелательное направленіе. Если, говоритъ Шельдонъ, всѣ члены общества для дебатовъ являются людьми незрѣлыми и не получаютъ никакой помощи со стороны, то ихъ засѣданія очень часто становятся ареной ссоръ и столкновеній, и тогда результатомъ существованія такихъ обществъ могутъ быть только дрязги и интриги.

Есть въ среднихъ школахъ и *братства*, скрывающія свои имена подъ греческими буквами. Первымъ изъ такихъ тайныхъ обществъ было Альфа Фи, возникшее въ 1876 г. и захватившее школы восточнаго Нью-Іорка, Нью-Джерси и Делавера. Затѣмъ подобныя же общества появились въ высшихъ школахъ Нью-Іорка, въ центральной Калифорніи, въ Чикаго. Корреспонденты Шельдона относятся къ идеѣ братствъ въ средней школѣ враждебно. Въ нѣкоторыхъ школахъ совершенно запрещаютъ ихъ, въ другихъ ставятъ имъ на пути всякія препятствія. Если они и разрѣшаются, то лишь подъ условіемъ присутствія на ихъ засѣданіяхъ кого-либо изъ педагогическаго пер-

сонала. Главной причиной враждебнаго отношенія къ такимъ обществамъ является опасеніе, какъ бы они не породили въ школьникахъ наклонности къ нелойяльному способу дѣйствій.

Всего благопріятнѣе относятся директора къ *атлетическимъ* обществамъ учащихся. По ихъ мнѣнію, эти общества даютъ превосходный выходъ избытку физической энергіи, создаютъ отличныя гигіеническія условія для развитія молодежи и держатъ на надлежащей высотѣ духъ школы. Обыкновенно участниками этихъ обществъ въ академіяхъ является 50% учащихся (а въ одной академіи участвовали всѣ ученики). Въ высшихъ школахъ процентъ членовъ атлетическихъ обществъ рѣдко бываетъ выше 10. Наиболѣе распространенные виды спорта: ножной и ручной мячъ и теннисъ.

По своему типу атлетическія организаціи средней школы являются сколкомъ съ такихъ же организацій колледжей. Разница только въ меньшей самостоятельности этихъ обществъ. Главенство надъ ними очень часто принадлежитъ директору или учителю гимнастики. Они завѣдываютъ подготовленіемъ группы къ состязанію, распоряжаются денежной стороной и т. д. Иногда, впрочемъ, рѣшительно все дѣло предоставляется самой молодежи, но, по мнѣнію Шельдона, отсутствіе всякаго контроля надъ дѣйствіями юношей 16 — 17 лѣтъ отражается довольно дурно. Особенно часты случаи крайне небрежнаго обращенія съ денежными средствами и даже растратъ. «Искушенія, представляющіяся главарямъ атлетическихъ обществъ при распоряженіи очень крупными суммами, оказываются слишкомъ сильными для нихъ... Если бы публика узнала о числѣ случаевъ безобразнаго распоряженія финансовыми средствами, допускаемыхъ въ атлетическихъ обществахъ высшихъ школъ Америки, она крайне удивилась бы».

Въ пяти школахъ оказались *организаціи самоуправленія*, напоминающія университетскія. Возникновеніе въ

среднихъ школахъ организацій этого типа является продуктомъ послѣднихъ 5 лѣтъ. Движеніе охватило теперь школы съ персоналомъ учащихся въ 5000 человѣкъ. Поводомъ къ возникновенію движенія послужилъ успѣхъ «Республики молодежи», основанной Джорджемъ. Джорджъ устроилъ лѣтнюю колонію для дѣтей низшихъ классовъ населенія Нью-Іорка и ввелъ въ этой колоніи полное подобіе муниципальнаго управленія, съ президентомъ, судьями, законодательнымъ собраніемъ и полиціей. Республика далеко не представляетъ собою игрушечнаго учрежденія. Судебные приговоры приводятся въ исполненіе, и осужденные подвергаются или штрафамъ, или аресту. Республика имѣетъ свое хозяйство, даже свои денежные знаки, обмѣниваемые безъ задержки на звонкую монету.

По образцу этой республики были устроены подобныя же колоніи городами Нью-Іоркомъ и Чикаго.

Успѣхъ этихъ учрежденій побудилъ примѣнить начала самоуправленія и къ средней школѣ. Въ теоріи давно высказывались за это, указывая на то противорѣчіе, какое представляетъ автократическій строй школы въ демократическомъ государствѣ. Указывали на то, что школа представляетъ самостоятельную общину, которая должна сама вести свои дѣла. Практика самоуправленія въ такой общинѣ должна служить хорошей школой для будущихъ гражданъ.

Несмотря на краткость опыта съ самоуправленіемъ въ средней школѣ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ оно пріобрѣло уже болѣе или менѣе устойчивыя формы. Какъ на типическомъ образцѣ попытки школьнаго самоуправленія, Шельдонъ останавливается на чикагской высшей школѣ «Гайдъ-Паркъ». «Каждая комната (общежитія),—говоритъ онъ, — выбираетъ представительный органъ, обладающій частью законодательной, частью исполнительной функціей и называемый сенатомъ. Этотъ органъ выбираетъ президента и секретаря, назначаетъ необходимыя комиссіи, слѣдитъ за порядкомъ въ залахъ и заботится о со-

хранности мебели и зданій. Сенатъ издаетъ также законы и назначаетъ трибуновъ, слѣдящихъ за ихъ выполненіемъ. Законы читаются учащимся въ каждой комнатѣ и тщательно выясняются имъ, чтобы были вполнѣ понятны и мотивы ихъ изданія, и было понятно, чего требуютъ они. Затѣмъ законы выставляются на видномъ мѣстѣ». Сенатъ назначаетъ судъ изъ 3-хъ судей, вѣдающій всѣ случаи нарушенія законовъ. Процессъ ведется съ соблюденіемъ обычныхъ формъ обвиненія и защиты. Судьи дѣйствуютъ очень разумно и видятъ свою задачу въ исправленіи, а не въ наказаніи. Кары налагаются ими въ рѣдкихъ случаяхъ.

Увѣряютъ, что всѣ учащіеся, за немногими исключеніями, проявляютъ полную лойяльность. Они гордятся тѣмъ, что за ними признаны ихъ права, и чувствуютъ, что каждый изъ нихъ является лично отвѣтственнымъ за благополучіе и доброе имя школы. «Вынужденное подчиненіе власти исчезло и вмѣсто него создалось добровольное подчиненіе тѣмъ общимъ правиламъ, которыя выработали они сами. Трибуны изъ числа учащихся превосходно поддерживаютъ порядокъ, и не было случая, чтобы учащійся гражданинъ отказался дать показанія въ томъ случаѣ, когда на карту поставлена честь учрежденія».

О попыткѣ самоуправленія въ другой изъ среднихъ школъ, именно Праттовской въ Бруклинѣ, дается такой отзывъ: «Дѣло идетъ превосходно. Система оказываетъ благотворное вліяніе и на учащихъ, и на учащихся. Каждый учащійся знаетъ, что если требованія учителя или директора являются, по его мнѣнію, несправедливыми, то онъ имѣетъ право аппелировать къ школьному суду. Каждый учитель и директоръ чувствуетъ, что всякое ихъ произвольное или незаслуженно суровое дѣйствіе можетъ быть отдано на обсужденіе комиссіи изъ преподавателей и 3-хъ учащихся. И въ результатѣ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ эта система, не было ни одной жалобы на педагогическій персоналъ».